

МАКСИМ ДМИТРИЕВИЧ ЩЕПАЛИН

аспирант кафедры русского языка и теории словесности переводческого факультета
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Российская Федерация)
Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ (на материале текстов Е. Д. Поливанова и М. В. Панова)

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования обусловлена растущим интересом отечественных и зарубежных ученых к особенностям когнитивных процессов, в том числе к их аффективной составляющей. Языковые данные признаются в некоторых случаях единственным ключом к такого рода знанию. Материалом послужили научные труды и письма двух лингвистов – востоковеда Е. Д. Поливанова и русиста М. В. Панова. Целью проведенного исследования было выявление стимулов для эмоциональных реакций, свидетельствующих о достижении результата научного познания, разграничение универсального и индивидуального в таких реакциях, а также описание языковых маркеров аффективной составляющей научного поиска. Достижение намеченной цели осуществлялось с помощью методов контент-анализа, сопоставительного и стилистического анализа с учетом новейших данных нейроэстетики и когнитивной психологии. Были сделаны выводы о необходимости добавить к когнитивным стилям оппозицию эмоциональная реактивность / устойчивость по отношению к новому знанию, а также о том, что ученые в разной мере поддаются социальному сдерживанию в выражении когнитивных эмоций, на выбор тональности и средств выражения интеллектуальной экспрессии влияет фактор адресата и что крупные ученые испытывают яркие и многообразные эмоции при достижении результата научного поиска. Помимо этого описаны языковые средства выражения когнитивной эмоции во взаимодействии со средствами выражения интеллектуальной экспрессии.
К л ю ч е в ы е с л о в а : когниция, научное познание, когнитивная эмоция, интеллектуальная экспрессия, нейроэстетика, языковые маркеры аффективной составляющей научного поиска

Д л я ц и т и р о в а н и я : Щепалин М. Д. Эмоциональный компонент в научном познании (на материале текстов Е. Д. Поливанова и М. В. Панова) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 47–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1127

ВВЕДЕНИЕ

Процесс научного познания неразрывно связан с когнитивными эмоциями, однако, как отмечают Э. Линненбринк и П. Пинтрих, «моделей взаимодействия аффекта и познания пока предложено мало (перевод наш. – М. Ш.)», и еще меньше изучены эмоции, сопровождающие академическое познание [17: 57]. На сегодняшний день выделены такие когнитивные эмоции, как уверенность, удивление, любопытство и любознательность, интерес, сомнение, замешательство, недоумение, растерянность и прочие [16: 156]. Установлено, что зарождение аффекта связано с бессознательным ощущением близости к результату, а интенсивность эмоции определяется «масштабом» и качеством результата, силой стремления субъекта к нему (вовлеченностью), интересом к исследуемому предмету.

Часть из этих переживаний могут *post factum* эксплицироваться ученым в статьях, письмах, интервью. Так, например, Г. Гельмгольц описывает инсайт как «счастливые наития» в момент «телесной свежести и чувства спокойного благосостояния» [3: 627–628]. Изучение прошедшей через фильтр вербализации аффективной составляющей процесса познания позволит, как нам представляется, приблизиться к ответу на вопросы, какие сигналы вызывают у ученого ощущение, что он стоит на пороге открытия, как переживается инсайт разными субъектами, меняется ли аффективная составляющая кульминационного события когниции в зависимости от когнитивного стиля ученого.

Мы выдвинули предположение, что если связывать инсайт с обнаружением такого способа моделирования исходных данных, который

заставляет оценить результат как «хорошо упорядоченное целое» [2: 54], то должны быть эталоны, на которые мозг выдает соответствующую реакцию. Ответ на свой запрос на сегодняшнем этапе развития науки мы смогли получить только от нейроэстетики. Нейробиолог В. Рамачандран сформулировал девять законов, согласно которым мозг будет реагировать на перцептивные стимулы как на нечто эстетичное: 1. Группировка; 2. Максимальное смещение; 3. Контраст; 4. Изоляция; 5. Пикабу; 6. Отвращение к совпадениям; 7. Порядок; 8. Симметрия; 9. Метафора [14: 247]. Лингвисты могли бы возразить, что перцептивная информация преобразуется в языке путем просеивания и обобщения, однако изучение художественных текстов в аспекте нейроэстетики [6] показало, что преломление законов В. Рамачандрана можно обнаружить и в языковом материале.

Опираясь на высказанные соображения, мы решили проанализировать фрагменты из текстов двух схожих по сфере интересов и соизмеримых по творческому потенциалу ученых с целью выявления вербализованных аффективных реакций, сопровождавших их научный поиск, а также установления возможной связи этих реакций с законами нейроэстетики. Далее перед нами стояла задача установить, как аффективная составляющая познания связана с когнитивным стилем познающего. И наконец, важно было выявить и описать языковые маркеры аффективной реакции. Материалом исследования послужили научные труды и письма двух лингвистов – востоковеда Е. Д. Поливанова и русиста М. В. Панова. Основанием для выбора фрагментов было воплощение в них аффективной составляющей, а также эксплицитных или имплицитных указаний на новизну мысли. Выводы делались на основании обобщения наблюдавшихся в этих фрагментах повторов структурного или смыслового характера.

КОГНИТИВНЫЕ ЭМОЦИИ В СВЕТЕ ЗАКОНОВ НЕЙРОЭСТЕТИКИ

Первый закон нейроэстетики – *группировка*. Он гласит, что мысленное дорисовывание части до целого или объединение множества фрагментов вызывает эстетическое удовлетворение. Подобный когнитивный процесс отражен в следующей цитате из работы М. В. Панова: «Фонологи злобно рычат, встречаясь с этими фантомами. Напрасно! *Фантомы эти объединяются... в особую фонемную единицу!*» [7: 411] – эмоция возбуждения передается метафорами и восклицательными знаками,

желание поделиться радостью познания – эффектом умолчания (многозначие). Действие этого закона отражено также в письме Е. Д. Поливанова из Пражского архива: «На этом основную часть *quasi-рецензии* можно считать законченной. Что я пришлю сверх этого, это будут уже моя болтовня (на вопросы *задетые* в книге)...» («Pr. 1», л. [5 об.] – весна 1933) (цит. по [1: 9]). Далее из статьи А. В. Андропова и Д. Д. Филатовой выясняется, что анализ работы Р. О. Якобсона, на которую писалась рецензия, привел Е. Д. Поливанова к обнаружению нового способа группировки занимавших его языковых фактов. Что же касается когнитивных эмоций, то слово *задетые* указывает на разбуженный интерес, который Е. Д. Поливанов смущенно прикрывает снижением статуса своего отзыва (то есть приемом мейозиса) – *quasi-рецензия, болтовня*.

Закон максимального смещения говорит о притягательности сопоставления максимально далеких объектов и явлений. Так, Е. Д. Поливанов противопоставляет не один раздел науки другому, а науку – искусству: «...“индоевропеистика виновата в том, что она не изучала не-индоевропейских языков” (как ихтиология в том, что она занималась *рыбами*, а не *хоровым пением!*)...» [9: 326] – аффективная составляющая представлена сарказмом и подтверждена восклицательным знаком. Проявление того же закона в оценке М. В. Пановым идеи Е. Д. Поливанова: «Статья эта необыкновенно *смелая* <...> Почему смело? А потому что это *грубо*. Мы ожидаем... и вдруг...» [8: 12]. Далее М. В. Панов развивает оцениваемые в этом фрагменте идеи Е. Д. Поливанова, и этот пример, как и предыдущий из «квазирецензии», позволяет нам сделать вывод, что момент обретения нового знания, наступающий в процессе осмысления чужих идей, окрашен не меньшей когнитивной эмоцией, чем открытие на основе собственных эмпирических наблюдений. У М. В. Панова, судя по парадоксу, это удивление от неожиданно открывшегося решения.

Закон эмоционального отклика на контраст находит свое отражение в следующих фрагментах из текста Е. Д. Поливанова: «...в связи с неразрешенным *противоречием* между ее буквенным составом и официальным выбором литературного диалекта может казаться...» [9: 107] – на контраст указывает лексема *противоречие*, на удовлетворение от его разъяснения – последующий контекст; из работы М. В. Панова: «Но ведь повтор лежит в основе всякого текста! <...> Значит, *слишком*

широкое определение, его надо сузить» [8: 12] – мысленный диалог с читателем, переданный с восклицательной интонацией и окрашенный эмоцией уверенности.

Изоляция – это сведение числа источников информации к одному, например, карандашный набросок дает информацию только о форме и исключает цвет и фактуру. Изоляцию мы обнаруживаем в следующем фрагменте текста Е. Д. Поливанова:

«...звуки, повтор которых имеет поэтическую установку, размещены на ярких местах: акустически ярко освещены – на них надо тем самым обратить внимание – как раз то внимание, которое направлено *не на смысл, а на звуки сами по себе*» [12: 154] –

лексический повтор и метафоры *яркий, осветить* указывают на эмоциональную вовлеченность автора. При этом акустическая составляющая (формальный повтор звука) изолируется от смысла слова и микротекста.

Закон пикабу утверждает, что можно «сделать нечто более привлекательным, делая его менее видимым» [14: 267]. Его воплощение можно обнаружить в следующей цитате из работы М. В. Панова:

«Было бы ясно, где появилось новое качество согласного, если бы оно возникло в форме внезапного скачка <...> Но “скачок” здесь протекает в непрерывном ряду форм, и поэтому его нельзя указать пальцем: *вот он!* Такие “замедленные скачки”, как известно, не редкость в языке» [7: 403]

– оксюморон *замедленные скачки* демонстрирует активизацию лингвокреативности, а значит, пробуждение интереса к явлению; аффективная составляющая передается также восклицанием.

Закон отвержения к совпадениям гласит, что мозг стремится фиксировать типичное и избегает случайных совпадений. На этом принципе основано построение всех научных выводов, поэтому «красота» научной концепции напрямую зависит от ее соответствия этому закону. Его проявление отражено в следующем фрагменте статьи Е. Д. Поливанова:

«Имеющиеся у меня кривые слов *ke “волос”, i “желудок”,* как и приведенные выше *подсчеты* слов *je, ha,* *заставляют считать* силовую двухвершинность *несомненной* для некоторых случаев произношения...» [11: 91]

– лексема *несомненный* воплощает эмоцию уверенности.

Порядок – это неприязнь к отклонению от ожиданий. Эмоциональная реакция М. В. Панова на установление порядка отражается в следу-

ющих фрагментах: «Это чередование *не знает исключений*» [7: 36]; «*Все* многочисленные значения творительного падежа (и других падежей) *обусловлены позиционно*» [7: 37] – выбор лексических и фразеологических единиц, а также парантеза демонстрируют уверенность.

Закону симметрии язык не стремится следовать – достаточно вспомнить про асимметрию языкового знака, и тем притягательнее для лингвиста обнаружение симметрии в его структуре. Так, М. В. Панов обнаруживает помимо фонемного принципа еще и нофемный и отражает симметрию в остроумно построенном термине *нофема* [7: 387].

Наконец, важную роль в познавательном процессе играет **метафора**. У рассматриваемых авторов метафоры построены еще и по принципу максимального смещения:

«...был *выкован* метод» [9: 27]; «Мир Маяковского – *раздельно-монтажный*; эпохи *слома*ны и *сдвинуты* *впритык*; *энергия*, которую излучают эти *сломы-сдвиги*, колоссальна. Потому-то Маяковскому и стали близки темы *борьбы миров...*» [8: 527].

Выбор вспомогательного компонента Е. Д. Поливановым демонстрирует энергичную вовлеченность, поскольку в ход идет революционная метафорика. У М. В. Панова концептуальная метафора служит не только осмыслению явления, но и драматизации и отражает возбуждение.

Можно заключить, что законы нейроэстетики имеют объяснительную силу в отношении того, почему известные мыслительные процессы, лежащие в основе научного познания, такие как систематизация, построение оппозиций, вычленение деталей на основании отдельного признака, выявление закономерностей, вызывают у познающего субъекта положительные эмоции и побуждают к дальнейшему научному поиску. Стало понятно, что разнообразие возникающих эмоций – а в нашем материале отражены удивление, возбуждение, интерес, удовлетворение, радость, уверенность – объясняется различиями в ситуативном контексте реализации законов нейроэстетики.

Нельзя не заметить, что талантливый педагог и популяризатор науки М. В. Панов выражает эмоции открыто и даже несколько утрированно, стараясь увлечь ими адресата, тогда как Е. Д. Поливанов более сдержан в выражении эмоций, когда речь не идет о борьбе с оппонентами. На основании изложенных фактов и сделанных нами прежде наблюдений мы приходим к выводу, что характер и сила когнитивной эмоции определяются в том числе и когнитивным стилем ученого.

Вместе с тем когнитивная эмоция, переживаемая *post factum* при изложении новых результатов научного поиска, соединена с интеллектуальной экспрессией, о которой необходимо сказать несколько слов.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭКСПРЕССИЯ

Для упрочения уверенности в объективности результатов научного поиска ученому необходимо «проговорить» с собой и с другими коллегами те соображения, которые привели его к новым решениям (вспомним тезис А. А. Потебни о том, что «взаимная связь речи и понимания усиливает противоположность объективности и субъективности» [13: 30]). В процессе такого проговаривания, или, как его называет Н. В. Данилевская, «дискурсивного формирования интеллектуального продукта» [4: 30], когнитивные эмоции переживаются повторно или пополняются новыми: например, по закону группировки аффект возникнет в ответ на создание стройной композиции научной статьи или удачного выбора ее названия. Для большей убедительности ученый использует языковые средства воздействия. Это называют интеллектуальной экспрессией. Приведем красноречивую цитату:

«Поскольку язык моей статьи был *острее, чем могла бы оправдать потребность аргументации*, спешу заверить, что одной из моих целей было убедить вас в том, что аффект нельзя интерпретировать как неизменную точку в процессе познания» (перевод наш. – М. Щ.) [19: 172].

Так американский психолог Р. Зайонц вербализует в заключении статьи аффект *возбуждение*, который он переживает во время апробации своего интеллектуального продукта. Используя интеллектуальную экспрессию, ученый не только вызывает ответную эмоцию у адресата, но и усиливает собственную аффектацию. Особенно заметно, как это происходит при анализе градаций, зачастую пронизывающих текст Е. Д. Поливанова:

«...для чего требуется изучение языковой современной действительности, *самодовлеющий интерес* к ней и – скажу более – *любовь* к ней...» [10: 329], «...мы не только *можем*, но раз с *уверенностью можем*, то и *должны считаться*» [10: 330].

Н. В. Данилевская связывает интеллектуальную экспрессию со следующими познавательно-оценочными действиями:

– выражение предмета мысли в стилистически яркой, необычной форме, создающей у адресата эффект неожиданности,

– передача своего отношения к предмету мысли в образной форме, привлекающей внимание читателя,

– выделение конкретного высказывания из окружающего контекста, заострение на нем внимания читателя [5: 189].

Стилистически яркой формой, а значит, и маркером интеллектуальной экспрессии является концептуальная метафора, если она вступает в конфликт с общей строгостью научной речи [5: 188]. Примеры таких метафор были приведены выше. Не менее ярким проявлением интеллектуальной экспрессии служат концептуальные метонимии, например, со значением эталона:

«...повтор – в основе поэтического текста. Если так, то, наверное, *забор* есть наиболее совершенное произведение искусства, потому что повтор в заборе осуществлен с наибольшей полнотой» [8: 15].

Другим маркером являются разговорные или имеющие оттенок разговорности языковые единицы. Они позволяют придать конкретным фрагментам научного продукта большую интимность и обеспечить более тесную связь с адресатом [5: 188], например: «Отношение к марризму у всякого *мало-мальски* сведущего лингвиста...» [9: 6].

Интеллектуальную экспрессию формируют также графические выделения [5: 188]. Например:

«Есть ли в других областях языка позиционные чередования единиц? С условием: в данной позиции одна языковая данность заменяется другой – во всех единицах данного типа *б е з и с к л ю ч е н и й*? Есть в словоизменении» [7: 36].

Приведенная цитата демонстрирует еще один маркер интеллектуальной экспрессии – вопросо-ответные комплексы [4: 34]. Они часто используются и Е. Д. Поливановым, и М. В. Пановым.

К проявлениям интеллектуальной экспрессии разной интенсивности можно закономерно отнести восклицательные и вопросительные предложения [15: 345–346], например: «*Как это так*, в японском нет следов префиксов?!» [11: 544]; «*Напрасно!* Фантомы эти объединяются... в особую фонемную единицу!» [7: 411]. К сожалению, формат статьи не позволяет нам привести полный перечень маркеров интеллектуальной экспрессии, который весьма обширен. Наш материал показывает, что оба рассматриваемых ученых прибегали к интеллектуальной экспрессии гораздо смелее, чем допускает современное академическое письмо. Сила и тональность экспрессии зависели в том числе от адреса-

та – единомышленника или оппонента. В первом случае помимо возбуждения и стремления заразить эмоцией (*запомним, согласитесь*) в ход шла шутка, во втором – сарказм. Разнообразие использовавшихся при этом риторических фигур, тропов, эмоционально окрашенных слов и выражений, авторских новообразований позволяет сделать вывод, что апробация результатов научного творчества сама была творчеством и вызывала у авторов сильные эмоции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение когнитивных стилей ученых по данным их языка привело нас к выводу, что аффективная составляющая связана не только с метапознавательным уровнем (интеллектуальная экспрессия), но и с мыслительным (когнитивная

эмоция). При этом нельзя отделять способность к теоретическим построениям (рациональный стиль, по Д. Уорделлу и Дж. Ройсу [18]) от эмоциональности (эмпирический и метафорический стили). Вместе с тем индивидуальные различия в эмоциональной реакции на достижение результата познавательной деятельности существуют. Они проявляются в большей или меньшей подверженности социальному сдерживанию аффекта. Если говорить о сходствах в когнитивных стилях двух больших ученых – Е. Д. Поливанова и М. В. Панова, то они выражаются в разнообразии эмоций, окрашивающих научное познание. На этом основании мы считаем возможным добавить к когнитивным стилям такую бинарную оппозицию, как эмоциональная реактивность / устойчивость по отношению к новому знанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андронов А. В., Филатова Д. Д. О некоторых рукописях Е. Д. Поливанова в Праге // Поливановские чтения. 2020. № 14. С. 7–12.
2. Богоявленская Д. Б. О природе инсайта // Творчество: наука, искусство, жизнь: Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 95-летию со дня рождения Я. А. Пономарева, ИП РАН, 24–25 сентября 2015 г. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. С. 53–56.
3. Гельмгольц Г. Как приходят новые идеи // Психология мышления: Хрестоматия. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 627–628.
4. Данилевская Н. В. К вопросу об экспрессии в научном тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6 (12). С. 30–36.
5. Данилевская Н. В. Выразительность как средство концептуализации нового знания в научном тексте // Русская речевая культура и текст. Томск: Томский центр научно-технической информации, 2018. С. 184–190.
6. Еливанова М. А., Семушина В. А. Действие законов нейроэстетики В. С. Рамачандрана в художественном творчестве на двух примерах прозы // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2021. № 2 (30). С. 25–34.
7. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. 568 с.
8. Панов М. В. Язык русской поэзии XVIII–XX веков: Курс лекций. М.: ИД ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 584 с.
9. Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание: Сборник популярных лингвистических статей. М.: Федерация, 1931. 181 с.
10. Поливанов Е. Д. Историческое языкознание и языковая политика // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 320–337.
11. Поливанов Е. Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 623 с.
12. Поливанов Е. Д. Рифмология Маяковского // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 147–160.
13. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
14. Рамачандран В. Мозг рассказывает: Что делает нас людьми. М.: Карьера Пресс, 2017. 422 с.
15. Рудаева Ю. П. Средства выражения экспрессивности научного дискурса // Язык. Текст. Дискурс. 2009. № 7. С. 342–347.
16. Рябцева Н. К. «Когнитивные эмоции», полимодальность научного дискурса и прагмаэстетические эффекты // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 155–162.
17. Linnenbrink E., Pintrich P. Role of affect in cognitive processing in academic contexts // Motivation, emotion, and cognition: integrative perspectives on intellectual development and functioning. London: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers, 2004. P. 57–88.
18. Wardell D. M., Royce J. R. Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and effect // Journal of Personality. 1978. Vol. 46, issue 3. P. 474–505.
19. Zajonc R. B. Feeling and thinking: Preferences need no inferences // American Psychologist. 1980. Vol. 35, No 2. P. 151–175.

Maksim D. Schepalin, Postgraduate Student, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)
Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

**EMOTION AS A COMPONENT OF SCIENTIFIC COGNITION
(a case study of texts produced by E. D. Polivanov and M. V. Panov)**

Abstract. The relevance of the study is conditioned by the growing interest of domestic and foreign scientists in the features of cognitive processes, including their affective component. Language data are recognized in some cases as the only key to this kind of knowledge. This study draws on the research papers and letters of two linguists, an orientalist E. D. Polivanov and a Russianist M. V. Panov. The purpose of the study was to identify motives for emotional reactions indicating the achievement of the result of scientific knowledge, to distinguish between the universal and the individual in such reactions, and to describe the language markers of the affective component of scientific research. The intended goal was achieved using the methods of content analysis, comparative analysis, and stylistic analysis, taking into account the latest data from neuroaesthetics and cognitive psychology. Conclusions were made about the need to add the “emotional reactivity/resistance to new knowledge” opposition to cognitive styles, and also about the fact that in expressing their cognitive emotions scientists are subject to social restraint to varying degrees, that the choice of tone and means of intellectual expression is influenced by the addressee factor, and that major scientists experience vivid and diverse emotions when achieving the result of scientific research. In addition, linguistic means of expressing cognitive emotion are described in interaction with means of intellectual expression.

Keywords: cognition, scientific cognition, cognitive emotion, intellectual expression, neuroaesthetics, linguistic markers of the affective component of scientific research

For citation: Schepalin, M. D. Emotion as a component of scientific cognition (a case study of texts produced by E. D. Polivanov and M. V. Panov). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):47–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1127

REFERENCES

1. Andronov, A. V., Filatova, D. D. On some of Evgenij Polivanov’s manuscripts in Prague. *Polivanov Readings*. 2020;14:7–12. (In Russ.)
2. Bogoyavlenskaya, D. B. The nature of insight. *Creativity: science, art, life: Proceedings of all-Russian scientific conference commemorating the 95th anniversary of Y. A. Ponomarev’s birth*. Moscow, 2015. P. 53–56. (In Russ.)
3. Helmholtz, H. How new ideas come. *The psychology of thinking: Anthology*. Moscow, 2008. P. 627–628. (In Russ.)
4. Danilevskaya, N. V. On the problem of expression in scientific text. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2010;6(12):30–36. (In Russ.)
5. Danilevskaya, N. V. Expressiveness as a means of conceptualizing new knowledge in a scientific text. *Russian speech culture and text*. Tomsk, 2018. P. 184–190. (In Russ.)
6. Elivanova, M. A., Semushina, V. A. V. S. Ramachandran’s neuroaesthetics law effect in artistic creativity on two prose examples. *Ural Journal of Philology. Series “Language. System. Personality: Linguistics of Creativity”*. 2021;2(30):25–34. (In Russ.)
7. Panov, M. V. Works on general linguistics and Russian language. Vol. 1. Moscow, 2004. 568 p. (In Russ.)
8. Panov, M. V. Language of Russian poetry of XVIII–XX centuries: Course of lectures. Moscow, 2017. 584 p. (In Russ.)
9. Polivanov, E. D. For Marxist linguistics: Collection of popular linguistic articles. Moscow, 1931. 181 p. (In Russ.)
10. Polivanov, E. D. Historical linguistics and language policy. *Zvegintsev, V. A. History of linguistics of the XIX and the XX centuries in essays and extracts*. Part 2. Moscow, 1965. P. 320–337. (In Russ.)
11. Polivanov, E. D. Selected works on oriental and general linguistics. Moscow, 1991. 623 p. (In Russ.)
12. Polivanov, E. D. Mayakovsky’s rhyme scheme. *Journal of Psycholinguistics*. 2008;8:147–160. (In Russ.)
13. Potebnya, A. A. Complete works: thought and language. Moscow, 1999. 300 p. (In Russ.)
14. Ramachandran, V. The tell-tale Brain: A neuroscientist’s quest for what makes us human. Moscow, 2017. 422 p. (In Russ.)
15. Rudaeva, Yu. P. Means of expressiveness in scientific discourse. *Language. Text. Discourse*. 2009;7:342–347. (In Russ.)
16. Ryabtseva, N. K. “Cognitive emotions”, polymodality of scientific discourse and pragma-aesthetic effects. *Cognitive Studies of Language*. 2019;38:155–162. (In Russ.)
17. Linnenbrink, E., Pintrich, P. Role of affect in cognitive processing in academic contexts. *Motivation, emotion, and cognition: integrative perspectives on intellectual development and functioning*. London, 2004. P. 57–88.
18. Wardell, D. M., Royce, J. R. Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and effect. *Journal of Personality*. 1978;46(3):474–505.
19. Zajonc, R. B. Feeling and thinking: Preferences need no inferences. *American Psychologist*. 1980;35(2):151–175.

Received: 7 August 2024; accepted: 2 December 2024